

К новой нормальности

Ларс Рове

Мощная турбулентность, характерная для российской истории после распада СССР, похоже, готова смениться на новую нормальность. В этой статье рассматривается политическое развитие в России начиная с 1992 года и его значение для отношений с Норвегией.

При взгляде на русскую историю в последние 25 лет создаётся впечатление турбулентности – и не удивительно. Минувшие почти 70 лет Советской власти также не были лишены драматизма, но бросается в глаза одно важное отличие: советские лидеры всегда опирались на фундамент коммунистической программы, а пост-советская Россия долго искала новую идеологическую идентичность. Во многих отношениях этот поиск ещё продолжается, хотя, вероятно, уже просматриваются контуры будущей современной России.

Поиск Россией нового постсоветского устройства проходил как во внутренней политике, так и во внешней. Каким обществом станет Россия, освобождённая от коммунистических догм? Как и с какой ношей может Россия явиться миру? Всё взаимосвязано, рамки двусторонних норвежско-российских связей определялись и внутренним, и внешнеполитическим развитием России. Как всегда в асимметричных отношениях, каковыми являются норвежско-российские, область

взаимодействия определялось развитием большего государства.

Но и норвежская политика, особенно внешняя, в начале 1990-х вступила в новую стадию развития. Раньше политики признавали, что маленькое норвежское государство в вопросах политики безопасности очень нуждается в союзнничестве крупных держав, таких как США и Великобритания. Теперь они стали искать, в каких сферах международной политики Норвегия может проявить себя, невзирая на свои размеры. Самым известным примером являются «Соглашения в Осло», где Норвегия играла посредническую роль между Израилем и палестинским руководством. Причиной этих перемен стало новое мышление в норвежских внешнеполитических кругах, а также падение железного занавеса, после чего на смену тупиковому противостоянию в холодной войне пришла новая динамика. Решили, что открываются огромные возможности и норвежская политика в отношении России, как и в отношении других стран, будет более активна, чем раньше.

Однако, несмотря на то, что новое мышление предполагало повышение статуса маленькой Норвегии, в реальности масштаб возможностей определялся развитием России. В течение всех последних 25 лет Россия остаётся непредсказуемым партнёром. Многие из того, что происходило при Борисе Ельцине, повернул вспять его преемник Владимир Путин. Кроме внутривнутриполитических перемен, на российском обществе и постсоветской политике сильно сказывались внешние обстоятельства, прежде всего, конъюнктурные колебания мировой экономики. Время после распада СССР можно разделить на три разных этапа. Ниже мы проследим развитие норвежско-российских отношений в периоды, которые я назову «Чрезвычайное десятилетие», «Реакционное десятилетие» и «Новая нормальность».

Чрезвычайное десятилетие: 1992–1999

Период бурного развития между распадом СССР в 1991 году и началом

нового тысячелетия настолько отличался от того, что было раньше и стало после, что целесообразно описывать его как *историческое чрезвычайное положение*. Этот термин предполагает, что на некоторое время обычные правила отменялись. И во внутренней политике России, и в её отношениях с внешним миром происходили немыслимые ранее процессы. Пустота, которую оставил после себя советский режим, должна была быть заполнена чем-то новым, но было неясно, чем именно.

В 1991 году Борис Ельцин пришёл во власть на волне демократических лозунгов и отрицания коммунистического однопартийного правления. В поиске политических решений для новой России логично было смотреть на Запад: распад Союза означал поражение коммунизма в борьбе с западным капитализмом. Полагали, что Россия станет обществом плюрализма с ориентацией на рыночную экономику. В начале 1990-х в России не оспаривалась западная ориентация. Со своей стороны Запад, естественно, приветствовал и, по утверждению некоторых, использовал готовность России к переменам.

Ельцин, хотя и был в прошлом партийным лидером в Москве, свой первый президентский срок использовал для бескомпромиссной борьбы за децентрализацию власти. Региональных руководителей, которые раньше находились в жёстком подчинении центру, сейчас недвусмысленно призывали

действовать независимо от Кремля. Это было эхо так называемого «парада суверенитетов», когда бывшие советские республики провозглашали свою независимость. Теперь руководителям автономных республик (как Карелия) и автономных округов (как Ненецкий) также были предоставлены широкие полномочия. С середины 1990-х годов на благо регионального уровня губернаторы областей (как Мурманская и Архангельская) стали безусловно ключевыми политическими фигурами. Сомнительно, однако, что ельцинская политика децентрализации действительно была звеном в процессе демократизации. Главной целью Ельцина было, скорее всего, ослабление его политических противников на центральном уровне, а не укрепление права субъектов федерации на самоопределение.

Как бы то ни было, большая степень автономии российских регионов напрямую повлияла на важную часть норвежско-российских контактов в 1990-е годы и влияет по сей день. В 1993 году по норвежской инициативе был создан Евро-Арктический Баренцев регион. Режим Баренцева сотрудничества включает центральный уровень, где встречаются министры иностранных дел стран-участниц, но оно создавалось прежде всего для развития контактов между финскими и шведскими ленами, норвежскими фюльками и российскими областями. «Европа регионов» - таков был лозунг тогдашней европейской международной политики, и Баренцево сотрудничество

стало северным примером этой тенденции к децентрализации.

Несмотря на свой многогранный профиль, Баренцево сотрудничество было и остаётся наиболее значимым для Норвегии. Постоянный Баренцев Секретариат имел в основном норвежских сотрудников и находился в Киркенесе. Долгое время он был маленьким секретариатом, не игравшим большой роли, но в новом тысячелетии стал, прежде всего, инструментом норвежской политики по отношению к России. Но норвежско-российские контакты осуществлялись и в других важных плоскостях. Кроме множества проектов, реализованных через Баренц регион, Норвегия и Россия в 1990-е годы установили и развили чисто двусторонние контакты. Норвежско-российская комиссия по вопросам окружающей среды – пример первого, проектного, подхода (хотя она работает с 1988 года), а норвежско-российская комиссия по рыболовству – пример второго направления.

В схемах сотрудничества бросается в глаза то, что маленькая страна Норвегия задавала тон в отношениях со своим более крупным партнёром, Россией. Сильна была власть дарения, или власть принятия решений, вытекающая из возможности выделения денег на разные цели. Можно было впасть в соблазн и ожидать, что сбудутся надежды на то, что Норвегия в состоянии, вопреки своему положению малого государства, достичь высокого статуса в отношениях с таким большим государством как

Россия. Действительность, однако, оказалась иной. Норвежское влияние ограничивалось проектами, которые в той или иной степени способствовали изменениям в российском обществе. Но общество, которое норвежские власти намеревались реформировать, развивалось независимо от желаний норвежской бюрократии, политиков и организаций.

Примерно с середины 1990-х годов русский скептицизм по отношению к западным ценностям становился всё более явным. Распространилось мнение, что проекты создаются с целью ослабить, а не усилить Россию. Можно спорить о том, что явилось причиной скептицизма – неудачные попытки демократизации, модернизации и либерализации русского общества или западное высокомерие, сопутствующее

проектам и не устраивающее русских. Возможно, имели значение оба фактора, взаимно усиливающие друг друга. Как бы то ни было, чрезвычайный период, когда западные страны, как Норвегия, могли выступить в роли богатых спасателей, закончился.

Реакционное десятилетие: 2000–2012

Вечер накануне нового 1999-го года в России был политически насыщен. Борис Ельцин, уже сильно ослабевший президент, объявил, что передаёт бразды правления своему премьер-министру Владимиру Путину. Путин только что покинул должность руководителя ФСБ, российской службы безопасности, чтобы стать последним в ряду премьеров, стремительно сменяемых Ельциным. Путин уже

отличился как человек действия, прежде всего, в бескомпромиссном ведении войны против чеченских сепаратистов. Но всему остальному миру он не был известен. Путин усилил президентскую власть не только за счёт возможных конкурентов, таких как национальное собрание и премьер-министр. Руководителям регионов, привыкшим к большой степени свободы, также сильно подрезали крылья.

Важнейшим политическим проектом Путина стала концентрация власти. Он восстановил «вертикаль власти» – чёткие командные нити, соединяющие все уровни управления с центральным лидером. Но ужесточение коснулось не только управленческих структур. Крупные бизнесмены, нажившиеся при разделе государственных предприятий, получили порицание и могли сохранить свои экономические привилегии при одном условии – не вмешиваться в политику. Так Путин открыто порвал со своим предшественником Ельциным, который, особенно после предвыборной кампании 1996 года, связал свою власть с так называемыми олигархами – группой богатых людей, державших под контролем телевидение и, следовательно, формирование общественного мнения. Путин, со своей стороны, нанёс удар по российской журналистике. За несколько лет его

«Отец Баренцева сотрудничества» Торвальд Столтенберг позируют перед собственным бюстом. Киркенес, август 2006.

Фото: Томас Нильсен

правления администрация президента взяла под контроль почти все СМИ и важнейшие телеканалы. Оппозиция оказалось в очень трудных условиях, и со временем её существование стало почти невозможным.

Концентрация власти оказала глубокое воздействие на российскую бюрократию. На низших уровнях сильно пошатнулась готовность принимать решения. Для региональных руководителей, отныне также контролируемых центром, вырос риск сделать неверный шаг и лишиться должности. Это сказалось на норвежско-российском сотрудничестве. Эффективность различных проектов сократилась вследствие нерешительности российской стороны. В то же время скептицизм по отношению к западному влиянию постоянно рос – раньше был маргинальным явлением, а стал официальной политикой. Интерес к норвежским проектам упал и, как следствие, уменьшилась роль для Норвегии в принятии решений. Причина коренится не только в русском антизападничестве. Что-то объясняется сильным подъёмом экономики на протяжении всего десятилетия. Высокие доходы от нефтяной промышленности и продажи других сырьевых товаров имели решающее значение для популярности Путина, но

в то же время высокая конъюнктура тормозила норвежско-российское сотрудничество. Норвежцы не могли, как в 1990-е годы, пробудить интерес русских партнёров только с помощью денежных вливаний.

Ограничительное обращение российской власти с собственным гражданским обществом, также отражалось на норвежско-российском сотрудничестве. Многие проекты базировались на взаимодействии между норвежским и российскими общественными организациями. Построение гражданского общества в России рассматривали как важную предпосылку к развитию страны в демократическом русле. Поэтому многие проектные деньги направлялись

в разные неправительственные организации. Зачастую большой проблемой было отсутствие на российской стороне сильной общественной организации для партнёрства. Решением становилось создание в России дочерних отделений, что вряд ли можно считать органическим становлением жизнеспособного гражданского общества. Скорее, можно говорить об имплантированной активности, которая во многих случаях умирала вместе с финансовой поддержкой из Норвегии. На российской стороне такая деятельность многими воспринималась как попытка вмешательства во внутренние дела России.

Йенс Столтенберг и Дмитрий Медведев в Стурскуге в 2013 г.

Фото: Килиан Мунк.

Новая нормальность: 2012–2014

Норвежско-российские отношения, как и отношения России с другими западными странами, осложняются авторитарным развитием в российской политике. Норвежским политикам и участникам других проектов, направленных на Россию, пришлось признать, что эта страна не может превратиться в либеральную демократию по западному образцу, как надеялись раньше. От миссионерского отношения к России 1990-х годов постепенно отказались. Путинская централизация власти проходила с начала 2000-х годов, но совершила новый виток в связи с выборами Думы осенью 2011 года и выборами президента в в марте 2012. Подтасовка

итогов голосования на Думских выборах была сама по себе проблемой, но не могла вызвать сильный протест. Ожидаемое, но от этого не менее скандальное, заявление Путина о намерении, после четырёх лет в кресле премьер-министра, снова баллотироваться в президенты, стало последней каплей, переполнившей чашу. В отдельных городах, при лидировании Москвы, народ вышел на улицы. Маргинальная оппозиция на короткое время выглядела сильнее, чем считалось, и силовой аппарат Кремля проявил нервозность. Но мощными репрессивными мерами протест демонстрантов был задушен в зародыше.

Владимир Путин снова уверенно разместился в Кремле, существующим силам оппозиции заткнули рот, и Россия вошла в период внутривластной стабильности. Тем не менее, горизонт затянуло тучами. Высокие цены на углеводороды, долгое время поддерживающие путинский проект централизации власти, пошли вниз. Ещё один тревожный момент появился во внешней политике. Жёсткая риторика Путина против западного влияния в странах, которые традиционно входили в сферу российских интересов, расцвела пышным цветом и стала ключевой темой внешней политики. Весной 2014 года риторика всерьёз была перенесена в практическую политику, когда бывшая советская республика Украина встала перед выбором пути, как в смысле безопасности, так и в экономике: двигаться ли в направлении Европейского Союза или делать ставку на крепкие исторические связи с Москвой. Население Украины было расколото, и Путин ловил рыбу в мутной воде. Российская аннексия Крыма в нарушение международного права и поддержка сепаратистов в Восточной Украине стали новой преградой между Москвой и остальным миром. Путин сделал выбор - покинул хорошее общество в мировой политике, чтобы вернуть часть былого величия.

На подписании Договора о принятии
Республики Крым в Российскую Федерацию в
марте 2014 года.

Фото: Kremlin.ru

Реакция Запада не заставила себя ждать. Режим санкций, последовавший за осуждением действий России в Крыму и Восточной Украине, сначала был направлен против отдельных лиц в российской системе. Позднее область применения санкций была расширена и коснулась крупных отраслей российского экспорта. Россия ответила контрсанкциями. В этой ситуации у норвежского руководства фактически не было выбора. Реагирование, сильное или слабое, было политически predetermined. Самым важным, кроме демонстрации несогласия, было сохранить безопасное местонахождение в лагере, к которому страна принадлежала с 1949 года, с подписания Североатлантического договора. Норвегия пошла по линии НАТО, ЕС и США. Естественно предположить, что Москва не ожидала от Норвегии иной реакции.

Иными словами, Норвегии было трудно и нецелесообразно следовать собственной линии в вопросе о санкциях, несмотря на то, что в норвежских дебатах кое-кто выступал именно за такую линию. Некоторые из этих голосов прозвучали с Севера, из ключевого региона Баренцева сотрудничества. Типичным примером был политик от Рабочей партии в правлении губернии Финнмарк Реми Странд, который подчёркивал, что отношения регионов достаточно прочны для того, чтобы развиваться независимо от противоречий Москвы и Осло. Точка зрения Странда только частично состоятельна. С одной стороны, в отсутствие дипломатической

активности на центральном уровне, Баренцев регион как открытый канал стал более значимым. Однако не подлежит сомнению то, что напряжённость между Западом и Востоком негативно отразилась и на Баренцевом сотрудничестве. Не только санкции пошатнули эффективность проектов и доверие между партнёрами, но и всё более агрессивное законодательство в отношении российских неправительственных организаций.

Так чем же я могу аргументировать, что это турбулентное развитие в норвежско-российских отношениях указывает на нормализацию? Нормально ли, что Норвегия вводит санкции против своего большого соседа? Нормально ли, что Россия нарушает международное право? В некотором смысле на оба вопроса будет один ответ – нет.

Но если проследить развитие норвежско-российских отношений в перспективе длительных связей, мы увидим, что время после распада СССР представляет собой драматический разрыв с прошлым. И чем ближе мы подходим к 1992 году, тем острее впечатление исторической аномалии. В исторической перспективе централизованная Россия Путина гораздо более нормальна, чем децентрализованный хаос Бориса Ельцина. Точно так же российская напористость на международной арене намного нормальнее, чем российская пассивность. Кроме того, опять-таки в исторической

перспективе, гораздо более нормально, что Россия определяет условия своих связей с Норвегией, а не норвежцы пытаются реформировать российское общество. Многие указывают на то, что двусторонние отношения между Норвегией и Россией должны будут обрести свою форму в рамках новой нормальной ситуации.

ССЫЛКИ

- Holtmark, Sven G. (red.), *Naboer i frykt og forventning. Norge og Russland 1917–2014*. Pax forlag, Oslo, 2015.
- Hønneland, G. *Kvotekamp og kystsolidaritet. Norsk-russisk fiskeriforvaltning gjennom 30 år*. Fagbokforlaget, Bergen, 2006.
- Hønneland, G. og L. Rowe, *Fra svarte skyer til helleristninger. Norsk-russisk miljøvernssamarbeid gjennom 20 år*. Tapir Akademisk forlag, Trondheim, 2008.
- Hønneland, G. og L. Rowe, *Nordområdene – hva nå?* Tapir Akademisk forlag, Trondheim, 2010.
- Jørgensen, J.H. og G. Hønneland, *Russisk politikk*. Fagbokforlaget, Bergen, 2013.

Ларс Рове – историк, старший научный сотрудник Института Фритьофа Хансена в Люсакере, где руководит программой по России.

Эл. почта lars.rowe@fni.no